

Чем раньше поймут ее дети, тем богаче будет их мир

Я хочу сказать, что единство и целостность художественного принципа, по которому существует этот театр, не только не отрицает, но предполагает множественность самостоятельных и своеобразных художественных решений. То есть, тут не одинаково, не скучно, а, напротив, поразному и всякий раз неожиданно, в это первый показатель живого театра.

РАССКАЗАЛА главному режиссеру про свою маленькую соседку на спектакле «Золушка». Он обрадовался:

— Как раз для нас мы придумали новый спектакль «Азбука театра»!

Это будет приглашение в Театр. «Азбука театра» — это: А — афиша, Б — билет, В — веселка, Ж — жест, М — мизансцена и так далее. Еще ближе к театру, к театральной грамоте и культуре. А это значит — еще выше уровень эмоциональной и нравственной грамотности.

Говорят, театр начинается с вешалки. В Риге он начинается с театральных плакатов: еще на подступах к театру. Около плакатов останавливаются, их рассматривают, их читают как художественные образы. Сложно? Серьезно? Но этот театр, как уже говорилось, готовит своего зрителя, который у зрителя находить радость в постижении подлинного, серьезного искусства.

— Каким вы бы хотели, чтобы вырос ваш ребенок? Умным, смелым, добрым, эмоционально отзывчивым, пекающим товарищество и не терпящим пошлости и фальши, ведь так?

Идите в театр. Верите свое-
го малыша за руку и идите в
театр, благо у нас есть осо-
бенный, специальный — Дет-
ский Театр.

О. КУЧКИНА.
(Наш сов. корр.).

Рига.

ющей алое, мертвящее начало,— не только напоминание о прошлом, но и предостережение.

Однако и более близкие мысли пробуждают спектакль. Вот этот молодой Актинь, какой же он — современный, со своей простотой и бескорыстием! Но, оказывается, именно бескорыстие по-прежнему дежно, то, что, кто думает иначе, кто хитрит, суетится, рассчитывает добиться успеха лично для себя, тот в итоге проигрывает. Сказка, как и нравственная истина, знает один закономерный финал для каждого — для бескорыстного свой, для корыстного свой. Актинь поднимается и белым шерстяным, хотя ему предстоит еще немало пережить и выдержать — и физические страдания, и собственную душевную незрелость.

Еще одна удивительная особенность спектакля: роль Алены исполняет... актриса. Замечательная актриса Аида Зайце. Это оказалось необходимо постановщику, чтобы выразить Райниса-поэта, подчеркнуть поэтическую, а не бытовую природу образа.

Театр, вслед за автором, не идеализирует действительность. Черная мать, поверженная в финале, не уходит списком. Ее борьба с Великим отцом, утверждавшим светлое начало, будет продолжаться. Но не зря же зрители внемлют театру. Зерна, которые он сеет, должны, не могут не прорасти в детских душах. И от того, что они выберут, тоже зависит победа добра над злом.

Вот для чего эти два цвета, черный и белый, вот для чего пругмешуанна цветовой гаммы — ничто не должно отвлекать мавельского зрителя от вопросов, которые задает ему искусство. Так язык театра помогает обличать в художественную плоть общечеловеческие явления, так эстетическое воспитание сплавляется с этическим.

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР
подтверждает впечатление

— Для меня волнующим и

ная сказка Яна Райниса «Золотой конь». Открыта? Но позвольте, латышский зритель знаком не с одной постановкой этого классического произведения. И тем не менее речь идет — об открытии.

Зависев подыять, вы смотрите на сцену — что такое? Шпеты декорации, костюмов почти весь только белый и черный, и между ними приглушенные тона коричнево-серого. Как странно для сказки, где бытие всегда обесцвечивалось многоцветьем: Красная Шапочка, цветик-семицветик, голубое дитя Жар-птицы, Лягушканин, скупость красок этого «Золотого кося» (постановщик Адольф Шапиро, сценарграф Адриан Фейерберг) оказывается первой особенностью спектакля, сконцентрированного не на эстетической, а на бытовой, во не философской, поэтической сути сказки Райнса.

В доме, где живут три брата, умирает старик отец. Его постель нахиляю прямо на белые холмы, среди которых развевается действие. На этих холмах, огибающих аллеею сложные вершины, черные вороны стерегут хрустальный гроб, в котором уже семь лет спит холодин своим молодой принцессе. Семь лет и семь дней. Тот оконой срок, когда должна решиться ее судьба. Доберется до этих вершин какой-нибудь отважный молодец — принцесса оживет, нет — сон ее будет длиться вечно. Один из трех братьев — особенный. Когда двое других ищут денег в погони только что умершего отца и делают дом в холодаство, младший никак не участвует в дележе, горько переживая случившееся.

Ребята в зале поглощены происходящим. Конечно, сказка — тоже, как писал поэт, да в ней niente. У «Золотого козла» есть историческая основа: история Латвии, семьсот лет под немецким игом. И Чужеземный принц, который любил ее, но не любил ее принцессу, а потому а бессильной простит станет повторять озеро слово «Война», и черные вороны, слуги Черной матери, озадаче

зрителя в театр-игру и в поощрении, таким образом, его самостоятельной деятельности. Разумеется, такое деление достаточно условно. Но все-таки. Рижский ТЮЗ, на мой взгляд, во всем, что касается детей (а он адресован еще юношеству в молодости), ставит перед собой первоочередную задачу художественного воспитания.

Когда несколько лет назад главный режиссер театра Альдоф Шاپиро, ныне лауреат премии Ленинского комсомола Латвии, поставил спектакль «Чукоккалая», то был заразителный театральный праздник. Бегали медведи на велосипеле, очаровательная муза-попотоуха была именинницей, в руке удалого командира горел маленький фомарик — актеры купались в атмосфере праздника, они не просто с наслаждением играли на сцене, они играли в сказку, в детский зрительный зал, с распахнутыми блестящими глазенками, внимали им. При том, что тут была и сложная театральная метафора, и высокая условность, и вообще та загадка театра, которая, не обещая легкой разгадки, манит и влечет нас всегда, сколько бы лет нам ни было.

Уже тогда можно было догадаться, что эта работа станет осознанным выражением принципов театра. Растить собственного зрителя — это только поначалу кажется невеликой задачей. При благородстве идеалов, при чистоте и серьезности помыслов это означает — растить гражданина для своего города, своей республики, своей страны.

Сегодня в репертуаре рижан (в обеих труппах театра: латышской и русской) — «Сказки Пушкина», «Вумба-раш», «Золотой ключик», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Питер Пэн» и другая детская классика. Начало второсортного, случайного, все толкое лучшие образцы детской литературы для театра, в том числе заново открытой именно этим театром.

Так была открыта прекрас-

В РИЖСКОМ ТЮЗе позади юная сидела маленькая девочка. Было очевидно, что она уже знала многое о театре, потому что, пока не началось спектакль, она с интересом и нетерпением то и дело обращалась к своей спутнице такого же возраста:

— Спорим, они еще не готовы!.. Спорим, у них так сейчас генеральная репетиция!

А когда вдруг наступила полная тьма (сказки, конечно же, должны начинаться в темноте), она закричала шепотом с полным знанием дела:

— Люди! Что же это такое!
Осветили хотя бы сцену!..

По ходу спектакля я убедилась, что она — старый театр, человек, уже воспитанный театром, любящий театр, понимающий его добрые идеи. В конце концов такая девочка или, лучше сказать, такие девочки и мальчики — награда театра, результат и смысла всей его деятельности.

ПО СУББОТАМ И ВОСКРЕ-
СЕНЬЯМ, а то и в обы-
чные дни, в десять, двенадцать
и три часа, когда начина-
ются детские спектакли, по
всей стране тысячи в тысячи
малых ребятишек занимают
места в зрительном зале. Мы
привыкли к этому и считаем
обыкновенным делом, что для
малых детей крутятся, живет
этот волшебный механизм, на-
зываемый Детским Театром,
что почти в каждом большом
городе есть такой дом, куда
малыши и их старшие братья
и сестры приходят, чтобы
встретиться с Иваном-царен-
ком и Чиполлино, Вуратико и
Сагвурочкой, Айболитом и
Поппи Длинныйчулок, Маль-
чином Кибальчишем и Трема
мушкетерами и многими-мно-
гими другими любимыми ли-
цами. А между тем наш Дет-
ский Театр — это феномен,
рожденный в нашей стране

Одним из его залов — Рижский театр юного зрителя имени Ленинского комсомола.

НЕВИДИМОМУ, есть немало путей строительства детского театра, его репертуара, его воспитательной программы. Одни его руководители ищут свой путь в освоении национальной — и мировой культуры; другие — в современной нравственной, гражданской проблематике, разумеется, в ее детском и юношеском преодолении; третьи — в вовлечении ребенка